

Славянские поэты использовали равным образом типичные темы западного «барокко» (укажем хотя бы на дубровницкие «Магдалины»). Из Италии в Дубровник и Варшаву во времена Владислава IV проникла, на границе XVI и XVII вв. мелодрама, основоположником которой был Ринуччини. Этот новый жанр культивировался Гундуличем, Пальмотичем, Твардовским. Подражание знаменитому «Освобожденному Иерусалиму» одинаково свойственно и дубровчанам и полякам. Замечательный перевод Тассо Петра Кохановского определил дальнейшие пути польской эпической поэзии почти на два столетия. Гундулич, начавший было переводить «Освобожденный Иерусалим», в своем «Османе» во многом следовал Тассо (это влияние было, впрочем, преувеличено проф. Крония и А. Халером; см. интересный анализ барочных элементов у Гундулича в статье А. Андьяла). Заметим, что было бы желательно сравнительное исследование стиля и образов «Османа» и «Хотимской войны» В. Потоцкого.

Если для Польши, Хорватии, Чехии XVII в. термин «барокко» необходим, то для русской литературы этого периода он применим лишь к отдельным церковным авторам, а для светской русской литературы XVIII в. его применение более чем сомнительно.

«Барокко» обнаруживается в украинской литературе XVII и конца XVIII в. Представители киевской школы (тесно связанной с Польшей, Молдавией, Трансильванией см. книгу А. Андьяла «Барокко в Венгрии») занесли стилистические приемы «барокко» в Москву, куда элементы его проникали также при посредстве переводной литературы из Польши и Белоруссии. От Петра Могилы до Феофана Прокоповича (типичного «барочного епископа») «барокко» проявлялось в церковной проповеди (см. работу Лангша о Симеоне Полоцком). Можно говорить о «барочном» периоде церковно-славянского языка. В русской, вернее в русско-украинской проповеди петровских времен, «барочный» стиль далеко не был изжит. В «Духовном регламенте» говорится, что пастыри не должны подражать «польским казнодеям» (т. е. католическому духовенству и барочной проповеди Запада).

Ломоносов боролся не только с идеологией «братских Пахомиев», но и с их стилистикой, неприемлемой для русского светского классицизма, так же как поэтика «барокко» была неприемлема для сторонников «Аркадии» в Италии начала XVIII в. Интересно, что среди настоящих книг епископа Гедеона Криновского (умер в 1763 г.), чьи русифицированные проповеди уже значительно отошли от «старого стиля», было сочинение иезуита Б. Грасьяна «El otáculo manual» (см. недавно вышедшую монографию Л. Челлберга о языке Гедеона). Нам кажется, что для изучения как религиозно-политической литературы чешских иезуитов, так и истории взаимосвязи польских и украинских проповедников XVII в. необходимо принять во внимание развитие барочной проповеди в Испании между 1633 и 1664 гг., а также светской прозы этого периода на Западе (см. исследования М. У. Кролла).

Приняв термин «барокко», считаем необходимым отметить, что литература славянского «барокко» имела свои специфические черты. «Сарматизм» в Польше был не просто литературным течением, но проявлялся более широко как мироощущение и мировоззрение шляхты XVII в. (см. книгу Улевича о «сарматизме»). В «сарматизме» в значительной степени отразились идеи историков польского возрождения (Меховита, Кромера и др.). Подчеркнем еще одну характерную особенность «барокко» в славянских литературах: живую связь с народной поэзией, также восходящую к XVI в. (особенно в Далмации и Польше). Было уже немало написано об идее славянской взаимности в «славянском барокко» (Р. Вртань; см. критику Ф. Вольмана и З. Неудлого). Мы полагаем, что это течение XVII в. (М. Орбини, Б. Бальбин) можно лишь искусственно оторвать от идей Меховита, Прибоевича, Кромера, а также других польских и далматинских историографов и поэтов (единство славян от Адриатики до Балтийского моря и Московии провозгласил уже дубровницкий поэт-гуманист Э. Л. Цервин на рубеже XV и XVI вв.).

Все это приводит нас к заключению, что при тщательном анализе литературных явлений XVII в. в Далмации, Польше и Чехии наследие Возрождения может быть обнаружено более значительное, чем в ту же эпоху на Западе. Если мы обратимся к западно-европейскому литературному эпосу XVII в., родоначальником которого был Тассо, не трудно заметить, что этот жанр становится все более абстрактным, экзотически-авантюрным и орнаментальным, в то время как литературная эпическая поэма в Далмации и Польше (а также в Венгрии) была живо связана с реальностью — защитой родины на турецких рубежах. В эпических произведениях поляков и далматинцев не фигурируют «романтические» мавры и стилизованные сарацины, а встречается реальный враг, с которым многие славянские и венгерские поэты (вспомним Зринского) бились не в волшебных садах и зачарованных замках, а в чистом поле. Поэтому в польской и югославской эпике преобладают реалистические элементы, несмотря на барочное стилистическое оформление.

И. Грабак
(Брно)

В 30-е годы нашего века в чешской истории литературы для обозначения периода между Белой горой (1620) и началом возрождения (70-е годы XVIII в.) установился термин «барокко». Точно так же отдельные периоды предыдущих эпох обозначались как романский, готический, период Ренессанса. Однако современная история литера-